

18+

АЛЕКСЕЙ АИМИН

Самое-самое

ЧИТАЕМОЕ И РУГАЕМОЕ

Алексей Аимин
Самое-самое.
Читаемое и ругаемое

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735153
ISBN 9785448554964*

Аннотация

История, филология, политика и многое другое в одном флаконе. Подборка эссе-исследований «Вдохновение», «Прозвища», «Эпитафии», «Слово на букву Ж» и др. Очерки «Собаки-политики» и «Кошки» горячо обсуждаются читателями. Многие из затронутых тем именитые члены союзов и академий старательно обходят – несолидно. Например, откуда взялось известное всем слово на букву «Ж»? Автор убедительно доказывает, что претензии на него англичан, французов и поляков несостоятельны и слово это чисто русское. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Хочу представиться	6
Так писать нельзя	12
ВДОХНОВЕНИЕ или откровения бывшего поэта	19
В ожидании прихода	21
Набить руку	26
Осознание	34
лирика	42
Последователи	46
Напор растет	52
Музы спрятались	58
Несправедливость	66
Путь к бессмертию	73
СТРАСТИ ПО ПЕГАСУ	88
Кто же он – Пегас?	90
Кони – история...	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

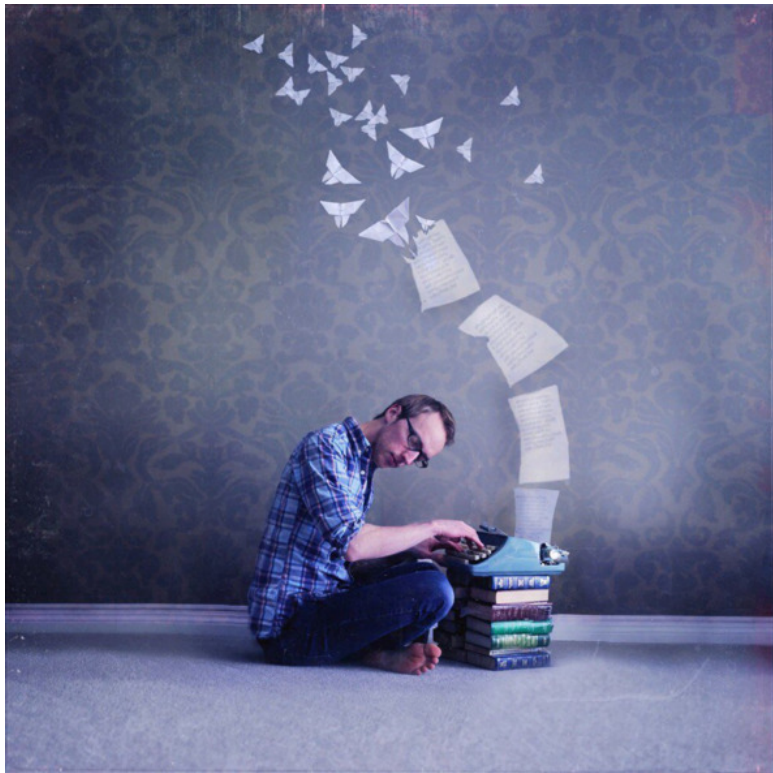
Самое-самое Читаемое и ругаемое

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2024

ISBN 978-5-4485-5496-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГДЕ ЖЕ ОНО ТО САМОЕ???

Хочу представиться

Очень часто авторы стесняются говорить все то хорошее, что они сами про себя думают.

Обычно за них в книгах это делают друзья, их литературные редакторы или литературные критики под штатной вывеской «Об авторе».

Ложная скромность хороша, но не во всех случаях жизни. Ведь можно о себе заявить и скромно:

*Талант от Бога —
ну, так будь же скромным,
Будь ты Веласкес, Пушкин или Кант.
Вот я — всегда хожу со взглядом томным,
Любой посмотрит скажет что талант!*

Вообще слово *сам* — одно из древнейших в мире. Когда человек научился разжигать огонь, строить жилища — то есть, противостоять природным явлениям он получил уверенность в своих силах и определенную *самостоятельность*.

Поначалу знающих и умеющих было немного и их называли саманами (знающими людьми) или, в более известном произношении шаманами. В русском языке их так и называли знахари или ведуны.

Постепенно слог само стал определять более высокую и значимую степень определяющих черт и способностей человека подчеркивая его индивидуальность:

Самостоятельный – стоит без поддержки.

Самодостаточный – хватает ума и средств.

Самореализовавшийся – удачливый, попавший в кон.

Однако к таким положительным качествам добавляются и издержки с перебором:

Самоуверенность.

Самолюбие,

Самовольность.

В любом случае, если в последних качествах соблюдать меру, то они могут даже помочь человеку сделать карьеру.

Так что с этим самым надо поосторожней, я уже с этим сталкивался:

*С судом над собой у меня перебор,
особо по части душевных затрат,
я **сам** обвиняемый, **сам** прокурор,
и **сам** же себе я еще адвокат.*

Итак, в меру обладая самолюбием и самоуверенностью, я всегда предпочитал представляться сам. И незаметно в моем багаже собралась целая куча само-представлений, который по жанру я бы определил как автошаржи.

*Гулял по лесу, размышлял, и вдруг опешил,
меня одна догадка осенила:*

Кто я такой?

– Да я обычный леший!

Ничуть не злой, а очень даже милый.

∞

*С хорошими людьми – приятно жить,
им даже не зазорно услужить,
и получить улыбку их в награду,
в знак благодарности.*

А большие и не надо...

∞

*Своим завистникам желаю я всех благ:
поймать удачу, счастье обрести.*

Ведь я уверен, что лишь только так

Они исчезнут с моего пути!

∞

Так двойственность в меня засела,

Что не расстаться с ней до гроба!

Одни считают мягкотелом,

Ну а другие – твердолобым.

*Себя я к лучшей половине отношу,
Хотя похвастаться особо нечем.
Ну, правда, не курю я анашу
И без наколок грудь моя и плечи.
Еще вот у людей не воровал
(Я скромно промолчу про государство),
И по большому счету я не врал,
Лишен злых умыслов и всякого коварства.
Я в жизни никого не заложил —
Хоть числюсь балаболом, краснобаем...
Вот так полжизни я своей прожил,
Что будет во второй — пока не знаю.*

*На дело я свой час хотел потратить
А вот Господь распорядился по другому.
Вот интересно: кто теперь заплатит,
Час прозремавшему, бездельнику такому?*

∞

*Душою чист я как стекло,
Но тело малость подвело.
Душа на подвиги зовет,
А тело все же отстают.
В душе хочу я полетать,
А телу хочется поспать.
В душе я храм хочу возвесть,
Урчит живот – пора поесть.
Готов поститься я века,
Но к рюмке тянется рука.
В душе клянущ разврат и блуд,
А ноги к девочкам несут.*

*Хочу весь мир благословлять —
Язык, напротив, — всех послать.
Душой я ангел! — Как назло,
Вот с телом мне не повезло.*

∞

*Чем дальше я шагаю сквозь года,
Мне все труднее и трудней определиться,
Хорош ли, плох? — я начинаю злиться,
Придется ждать мне высшего суда.*

Так писать нельзя

А судьи кто?

Когда я начинал писать, Интернета в нашей стране еще не было. Как правило, у начинающих высшей оценкой считалось публикация в каком-то печатном издании районного или областного масштаба. Я попробовал, отправил, но меня ошарашили фразой:

- ***Так писать нельзя!***
- А как можно?
- Так как все.

Всеми я становиться не собирался и потому продолжал писать, так как нельзя. Позже, чтобы не применять крепкие выражения, для спасения от наплыва графоманов редакторы СМИ придумали короткое и не очень обидное определение *не формат*.

По сути, оно значило то самое, о чем вы подумали – посылали подальше переформатировать опусы.

Я уже было хотел завязать с бесполезной долбежкой, но тут редактор районной газеты меня подбодрил фразой, которую мне потом передали, что «мои стихи будут в газете только через его труп!»

Это была высокая оценка! Но к тому, что так и случилось я не причастен: развала СССР ярый партиец не перенес – инфаркт.

И вот уже новые коммунисты приглашают меня на борьбу с демократами. Решил чуть поиздеваться и предложил им вот такой стишок:

*На подходе к коммунизму,
Нас скрутило только так.
Перестроечную клизму
Вставил нам один чуждак.*

*И с тех пор вот все основы
Вводят нам посредством клизм
Популярно, – вот и слово
Появилось – «популизм».*

*Вновь раздрай по нашей хате:
В коммунизм! – В капитализм!
Но куда-то все же катим,
И, похоже, в катаклизм.*

*Вновь вливание – мол, скоро
Будем все и все иметь.
Лучшие б дали от запора
Нам спокойно помереть.*

И вновь услышал – так неположено!

– А как положено?

– Ну не так...

Дважды мне предлагали писать как там у них положено. Первый раз мои друзья диссиденты предложили мне немного подработать на радиостанции Би-Би-Си. Там было только одно условие – писать про Россию плохое. Есть у меня и плохое, что в горячие денечки написано, но одно то, что меня ставят в рамки... – отказался.

Еще одно неофициальное предложение – стать духовным поэтом. При этом тоже условие – стихи должны быть каноническими. Каноны – это та же рамка, тот же самый формат. А я в рамки никак не влезаю, лишь несколько стихотворений в каноны втиснулись, те самые которые и привлекли внимание духовников.

Витать где-то высоко в отрыве от реальной жизни у меня

всегда плохо получается. Вот потому мои творения, пусть даже о высоких чувствах, но обязательно с какой-нибудь червоточинкой:

*Я яичко на Пасху тебе поднесу
С христианским воскресным приветом,
А потом расцелую тебя, как в лесу,
Помнишь, было в лесу прошлым летом?*

*И тебе будет попросту не устоять,
И как будто под ветром небесным,
Шевельнется под сердцем забытая страсть
И любовь, как Христос, вдруг воскреснет!*

В данном случае, что так писать нельзя, я понял и без подсказок. Да и вообще проза жизни уже толкала к прозаической литературе.

Начал писать рассказы, очерки, эссе и все повторилось.

Но теперь уже и критики появились весомее – всяческие члены, доценты с кандидатами. Я опять подрост в своих глазах. Ну а когда среди критиков появился первый академик – даже уважать себя стал не меньше чем своих родителей.

Получив очередной «плевок» сверху – не мешайся под ногами и знай свое место, в своей очередной книге «Седла для Пегаса» раскритиковал ситуацию в российской литературе начала третьего тысячелетия. При этом возложил всю ответственность на руководство «доблестного» СП России.

Проехавшись с издевкой по лауреатам различных премий и прижизненным «литературным монументам», получил очередной весомый намек, что так писать нельзя! Особенно неприятно, что все делалось втихаря и без объяснения причин.

Блокировка личного сайта, уничтожение авторских страничек в «Википедии» и двух международных сайтах было только началом. Потом было занесение моего эл. адреса в черный список всех наших литературных изданий. Сам его не видел, но крестик, говорят, был жирным. Это еще больше укрепило в сознании, что пишу правильно – так как надо, но так как нельзя.

В то же время меня поддерживали читатели. Наряду с высокопоставленной критикой под моими опусами прилагались благодарности простых людей. В своих отзывах они делились со мной своими проблемами, а порой откровенничали как с родным человеком.

Решил проверить уровень своего сочинительства – отправил пару рассказов в израильский журнал «Русское литературное эхо». Напечатали сразу. Понял, что все мои гонения имеют не политическую, а тусовочную основу с отголосками совковости. По-простому – не вписался в канву или еще проще в колею.

Сейчас, когда Интернет дает возможность свободной публикации авторам стало попроще, но их количество быстро выросло и исчисляется даже не десятками, а сотнями тысяч. Напечатать свои труды стало проще, сложнее донести до читателя.

Часть представленных здесь очерков и эссе прошли проверку и временем и читателями. Их по скромным подсчетам прочли десятки тысяч человек. Надеюсь, что вы не пожалевте открыв эту книгу а заодно ***как писать нельзя узнаете.***

ВДОХНОВЕНИЕ или откровения бывшего поэта

*Человек начинал говорить!..
И, не в силах бороться с искусом,
Обнаружил великую пруть
Во владении этим искусством.
Он придумывал тысячу тем,
Упиваясь минутным реваншем.
Говори-и-ть! – А о чЕм и зачем —
Человеку казалось не важным.*

Леонид Филатов

Писать человек стал значительно позже, чем говорить. При определённых сложностях – отсутствии бумаги и чернил – поначалу это были короткие записи: заклинания, долговые расписки, и только потом к письму приобщились философы и поэты. Уже в древности было замечено: тех, кто умел хорошо говорить, быстро забывали; чаще помнили о тех, кто даже плохо писал. Тогда-то и появилась эта мания: заявить о себе, оставить след на камнях истории, а проще – застолбиться.

С привычками предков мы сталкиваемся и сейчас, созерцая автографы на стенах домов, подъездов и заборах.

ВАСЯ+ТАСЯ = ЛЮБОВЬ

Но эти каракули обычно долго не живут – до очередного ремонта или, в крайнем случае, до сноса дома. Для того же чтобы действительно за-помниться на века, надо создать что-то более значимое и весомое, например, шедевр. На тему, как создавать гениальные творения, я и предлагаю поговорить.

В ожидании прихода

От замысла до шедевра, будь то поэт, писатель, художник или музыкант, надо преодолеть три ступени – *талант, мастерство и вдохновение*.

Если эту формулу разобрать, то первое нам дается родителями, второе зарабатывается упорным трудом, ну а третье – это уж как получится.

Тема вдохновения наиболее актуальна в писательской среде, особенно у поэтов. Они часто пускаются в пространственные рассуждения по этому поводу, посвящают Музам стихи.

Музы поначалу жили в Греции

В период творческого застоя или загула, поэты сваливают все на отсутствие **Вдохновения**.

На мои конкретные вопросы о контактах с этой субстанцией столь же конкретных ответов я не получил. По-видимому, тема эта насколько актуальна, настолько и интимна. Но раз уж она озвучена, то придется в большей мере опираться на свой опыт:

*Вдохновение изредка приходит,
Ждешь, не ждешь, – приходит невзначай.*

*Интересно, где оно там бродит,
Сколько раз уж приглашал его на чай.*

*Чай хороший, я на нем не экономлю,
Сам, к примеру, с удовольствием я пью,
Но чтоб заходило, не припомню,
В тот момент, когда я заварю.*

*Вот когда допью, тогда приходит,
– Посиди, – ему я говорю.
А оно посмотрит и уходит,
Не дождавшись, когда снова заварю.*

Но такие достаточно корректные отношения наступают либо в середине, либо в конце творческого пути, когда ты уже полностью согласен с Гёте:

«Вдохновение – это не селедка, которую можно засолить на долгие годы».

Вначале же молодые творцы предпочитают видеть Вдохновение в образе прекрасной и зажигающей музы Эрато. Вот как это лаконично выразил некто Чернов В. А.

Слишком соблазнительная муза – это короткое замыкание...

Попытка найти автора этих строк чтобы поподробнее узнать о той короткой встрече не увенчалась успехом. Всяческие гнетущие подозрения от себя отгоняю.

Вопрос выбора желательных гостей у поэтов в течение

творческого пути уже сложился – сначала Муза, потом Вдохновение и, наконец, Пегас. И если у первых двух еще существует какая-то взаимосвязь, которую прагматично определяет Игорь Субботин:

Муза – это форточка в окне вдохновения.

то с Пегасом разговор отдельный и он еще впереди.

Если честно, у меня с Эрато отношения не сложились и закончились ещё в студенческие годы. Из доброй сотни сочинённых любовных опусов всего один или два, за которые не стыдно. Да еще студенческая прибаутка:

*Иду, а впереди такая прелесть!
Аж сводит челюсть!
Аж сводит челюсть!*

Случайно вернувшись к творчеству лет через пятнадцать в качестве поэта-юмориста, я пересмотрел свое отношение к этой даме:

*Меня раз муха укусила,
Ну а затем еще комар.
Потом вдруг муза посетила,
Но от нее какой навар?
От мухи запах неприятный,
От комара на коже след,
Короче, есть навар бесплатный,*

*От музыки ничего же нет.
Ее не тронуть, не пощупать,
Обнять нельзя и ощутить,
Бывает, ляпнешь ей вдруг глупость —
Она перестает любить.
Еще и фыркнет, отвернется,
И может даже убежать.
Догнать? Вернуть? – Да перебьется.
Ведь завтра прилетит опять.*

Набить руку

«Набивая руку», я вступил на стезю, знакомую многим начинающим и самоуверенным поэтам: что вижу – то пою.

При такой постановке присутствие Музы не обязательно. К тому же Муза все же дама, и не во все уголки и закутки ее можно брать с собой:

*Там в тишине, за дверью туалета,
Где ведра, швабры, трубы, вентиля,
И где журчит прохладная струя,
Конечно же, не место для поэта.
Но в глубине, под крышкой унитаза,
Куда бежит хрустальный водопад,
Две звездочки далекие блестят...
Ах да, конечно, – это же мои два глаза!*

Ближе к сорока люди обычно становятся прагматиками, а иногда и скептиками, утверждая, что у Вдохновения нет расписания, а Музы слишком капризны.

Но как говорил Петр Ильич Чайковский:

Вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых.

Вот я и считал, что отсутствие Вдохновения, на которое жаловались мои собратья по перу, это лишь прикрытие неумелости и своей неподготовленности. Ведь если ты зна-

ешь, что хочешь сказать, умеешь расставлять правильно слова и отдельные знаки препинания, то нет ничего проще создать произведение которое может порадовать и создателя и читателя. Они же все в гении шли записываться и цитировали А. С. Пушкина:

...Не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет:
Хорошие стихи не так легко писать...

Тут можно и поспорить Например, исследователи творчества Омара Хайяма утверждают, что этот выдающийся математик и астроном древности писал свои рубаи, складывая их, как кирпичики, из нужных и подходящих слов.

Я тоже провел поэтический эксперимент и попробовал написать свежо и интересно о самом заурядном действе. Принимаю душ, а кто-то нашептывает строчки, оглянулся – никого, хотя ощущение присутствия было. В конце концов вот что из этого получилось:

*Как мягко бьет струя из душа,
Чуть разгоня кровь мою,
И греет тело, греет душу,
Я на макушку воду лью!
Шампуня мне на все хватило,
Мочалка тихо шелестит,
Ах, мило, до чего же мило*

*Под нею кожица скрипит!
На пену я смотрю глазами —
И вправду, чем еще смотреть?
И шевелю в воде ногами,
Приятно – просто обалдеть!
Потом мохнатым полотенцем
Я, начиная с головы,
Тру шею, грудь в районе сердца,
Потом аппендицита швы.
Вопрос возник под вашей бровью,
Читая эту всю фигню? —
Что чистота – залог здоровья!
Я только к этому клоню.*

Быт не зовет к заоблачным высотам

Но оказалось, что, нарабатывая поэтические навыки, я подготавливал почву для своих последующих встреч с Музами. Сначала они были случайными и порой неожиданными:

Бармен не тот смешал коктейль...

Всё в голове перемешалось:

Упругость губ, духи «Шанель»,

И снизу поджигает малость,

И хевви-метл, и два по сто,

На фильтре яркая помада.

Вопрос глупейший: – А ты кто?

Она мне: – Я твоя баллада,

Твоя поэма, твой сонет,

Я муза легкого веселья.

– Ты насовсем?

– Конечно, нет, я ухожу,

Подруге передай привет.

– А как зовут? – Она в ответ:

– Да тоже Муза,

Только тяжёлого похмелья...

Постепенно отношение к стихам стало меняться.

Поблагодарив судьбу и родителей за дарованную жизнь обычным разговорным языком я получил массируемую критику маститых пиитов – это не стихи а бла-бла-бла. Ну согласитесь, ведь это же никакая не поэзия:

*Что было б, если я вдруг не родился?
Навряд-ли сильно изменился мир.
Сосед бы гриппом от меня не заразился,
Пряатель мой пореже может пил.*

*Никто бы тестю не помог с дровами,
Другой бы муж был у моей жены,
Стране проблем поменьше с сапогами,
штанами, макаронами...*

*И сорняком наверняка заколосился
Не перекопанный в деревне огород,
И может до помоек опустился
Подобранный однажды мною кот.*

*И лец был жив, что выловил весною,
И до сих пор еще вилял хвостом,
Я б не участвовал, конечно, ни в «застое»,
Ни в «перестройке», что пришла потом.*

*Конечно, мир немного б изменился,
Но как? – Мне никогда уж не узнать.
Ведь я однажды взял, да и родился,
Спасибочки отец, спасибо мать.*

– Изучай теорию стихосложения, деревня, и пиши о вы-
соком.

С концепцией создания стихов по подобию собирания

детского конструктора я не соглашался. Но в малых формах в принципе это возможно, например, поймать отдельно-го журавля, механически балагурия-каламбуря:

*Нет, не забыть мне изумительные строчки,
На лямках у твоей ночной сорочки!*

Но даже такие удачи, поначалу радовавшие меня, уже не грели. Противовесом конструкторскому принципу стихосложения стало знакомство с японскими хойку и танку, наполненными вдохновенным созерцанием. Надо научиться по особому видеть и осмыслить увиденное. Лучше всего уединившись. Короче – полный духовный интим.

Вот как, например, Мацуа Басё:

«Бабочки полет
Будит тихую поляну
В солнечном свету»;

Мысли-бабочки летают...

или Кобаяки Исса:

«Снова весна.
Приходит новая глупость
Старой на смену.»

Попробовал сам, не сразу, но получилось:

*Твои глаза —
Голубое небо —
Ни единой тучки.*

Так продолжая набивать руку – некоторые называют это

более значительно – шлифовать мастерство, вдруг стал замечать, что в моих юмористических стихах стала появляться некая лиричность:

*А весна была и теплая и ранняя,
И черемуха цвела, за ней сирень.
Подарила мне она одни страдания
И мозги под кепкой набекрень.*

Это переплетение для меня стало неожиданностью. Но потом таких «коктейлей» становилось все больше. Иногда вплеталось осмысление:

*Когда б была молитва от морицин
Седых волос и старческих маразмов,
Тогда б молились все мы как один,
К тому ж усердно и с большим энтузиазмом.*

Но порядок был как и у всех – сперва написать, а потом уже осознать написанное и определиться.

Осознание

К вопросу контактов с нереальным миром я стал относиться серьезнее, даже Александра Сергеевича томик открыл. Нашел где он предупреждает свою подружку о возможных случайных связях:

**Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.**

Так постепенно переосмысливая феномен Вдохновения я сделал из наблюдения осмысление:

Вдохновение – Божье дуновение. Словно ветер – не видишь, а чувствуешь.

Все более и более убеждался, что без души, с которой Вдохновение водит дружбу, творчество становится обыкновенным ремеслом. В конце концов в своих воззрениях на него я определился: *то, что идет от сердца, – это стихи, то, что идет от разума, – проза, пусть даже рифмованная.*

Поэтому свои первые сборники в подзаголовках я так и представлял: *«несерьезные стихи и мысли»* и *«рифмованная и не рифмованная проза»*.

Просмотрев словари, я нашел там только общее скуч-

ное определение: Вдохновение – творческий подъем, прилив творческих сил. Покопавшись среди мудрых мыслей, нашел высказывание Шиллера:

«Одного вдохновения для поэта недостаточно – требуется вдохновение развитого ума».

И вот, наконец, Вдохновение стало посещать меня по более серьезным вопросам, в которые невольно вплетались ироничные нотки:

*Люблю – и все! О чем тут говорить,
Я сам к себе испытываю зависть,
А как приятно всё-таки любить,
Теряя вес, и голову, и память.*

*Весь истощал, и потому вот кость
То там то сям чего-то выпирает,
Цепляя все, аж разбирает злость,
Но голова все тут же забывает,*

Ведь в ней одно: люблю!

Люблю!

Люблю!

Люблю!

Хотя возможно, и напрасно.

Любовь меня убьет!

Иль я ее убью!

Одно из двух.

Но как это прекрасно!

Любовь меня убьет – а может быть и нет...

На трезвую голову, оценив свои возможности, столкнулся с огромными пробелами в своих подкорках, которые в наро-

де почему-то именуют серостью. Это было вполне естественно, ведь, во-первых – по образованию я технарь, а во-вторых:

*Я учился плохо, не скрываю,
Чувствовал – учили не тому,
Троечки с натугою сишбая,
Лишь теперь я понял почему
Так зубрёжку раньше уважали,
Ставя во главу «от сих – до сих»
Если ж вы вопросы задавали,
То придурок, а скорее псих...*

.

Из очень важных и обязательных предметов для любого советского ВУЗа – марксистко-ленинской философии и научного коммунизма, мы не извлекли ничего стоящего. Нет, вру. Из часто цитируемых строк Маяковского:

**«Мы говорим Ленин – подразумеваем партия,
мы говорим партия – подразумеваем Ленин!»**

нами был сделан логически четкий и выверенный вывод, что при данном режиме это была норма – говорить одно, а подразумевать другое.

Надо было что-то срочно предпринимать. Все знают, что учиться трудно, а переучиваться еще сложнее. Но процессу его заполнения пустот мешало одно известное всем качество – лень. Пришлось поднапрячься и освоить курс филологии и философии экстерном. Что и было выражено вполне

себе образно:

*Я поднимаю планку каждый день,
Там за спиной обыденность молвы,
Соперник лишь один – моя же лень,
Хочу я прыгнуть выше головы.*

*Сегодня видно высоты не взять,
И номер этот может быть пустой.
Я разбегаюсь снова и опять,
Опять сишбаю планку головой.*

*Однако снова отгоняя лень,
Я разбегаюсь, отрываюсь и парю...
Ещё один я проживаю день,
Преодолев посредственность свою.*

Изучая (громко сказано) творчество классиков, я пришел к интересному заключению, – среди гениальных поэтов нет ни одного с благополучной судьбой. Ну, в общем, это и понятно, – равнодушных среди них никогда не было. К тому же все они были максималисты с обостренным чувством справедливости.

На их личные неурядицы часто накладывались страдания народа. Что еще интересно, все наиболее известные поэты жили они всегда в преддверии или в период каких-либо социальных потрясений, войн или революций.

Именно в такие моменты поэты были наиболее востребо-

ваны и народом и политиками. Кстати, это очень хорошо поняли большевики, которые собрали талантливых поэтов под свое крыло. Пролетарские трибуны должны были призывать к борьбе, поднимать энтузиазм масс, сочинять гимны. Чем все это кончилось (для поэтов), все знают.

Востребованы они были и в годы последней войны. Что же касается шестидесятников, то это было просто расчет Хрущева, запрячь их на комсомольский порыв новостроек. И революционные настроения были притушены.

Мы вот тоже пережили годы реформ. В девяностых основную массу народа жившего и так не богато, опустили за грань бедности, можно сказать кинули. Меня это тоже коснулось. И в моем творчестве был период, когда я даже выступил от имени народа, выпустив книгу сатирического содержания «Хочу я с вами поделиться». Основным ее лейтмотивом было:

*Совсем запутала нас пресса,
Мы все уже на грани стресса,
Никто не знаем, кто такие —
Такие мы или сякие.
Давно уже мы не марксисты,
Хотя и не капиталисты,
Пока еще не демократы,
Но, слава богу, не кастраты,
Ни либералы, ни массоны,*

*Мы из Советской бывшей зоны, —
Простые русские мы люди,
За что имеем хрен на блюде!*

Революционное Вдохновение на моем пороге топталось
недолго. И в книге были отнюдь не призывы к борьбе, а лишь
констатация свершившегося:

*Хрустящий снег вдруг превратилась в кашу —
Вот так же и политика вся наша...*

*Пойдешь налево – флаг нести заставят.
Пойдешь направо – там обокрадут.
И только прямо – к ордену представят,
Представят точно, только не дадут!..*

Революционный порыв скрылся за поворотом

Реформы, слава Богу, прошли. Поэты, на этом отрезке истории, негодились. Согласно новых политтехнологий совсем не требовалось, чтоб кто-то «глаголом жег сердца людей». Их (сердца), наоборот старались притушить латиноамериканскими сериалами и бездарной попсой.

Интерес к поэзии у читателей быстро убывал.

Вот те на! – подумал я, – и чего ж это я зря трудился? А тут еще Вдохновение стало опять заглядывать. Решил определиться. Просмотрел признанных – ничего стоящего, просмотрел молодых – жалкие потуги на новые формы.

Но не пропадать же добру, решил издать содеянное.

лирика

В третьей книге в одной из глав был сделан небольшой анализ классического наследия, в котором и пришел к выводу, что про цветочки и листочки уже все написано, и про всепоглощающее чувство любви тоже. Лучшего уже не сочинить, ну если только чуть приблизиться. Рискнул и все же выпустил свою четвертую книгу лирики. Здесь, как и у всех классиков, тоже вскользь затронул тему вдохновения, основанную на личных ассоциациях, например:

*Чтоб о прекрасном написать,
Подальше надо гнать браваду,
И зло подальше надо гнать,
И сесть за стол, конечно, надо.
И, потеряв слегка виски —
С прекрасным вроде не до шуток,
Отгородиться от тоски
Букетом скромных незабудок.
Чтоб было сухо и тепло,
Взять растопить большую печку,
А чтобы на душе светло —
Поставить у иконы свечку.
Всё тщетно! И лишь только ты,
Одна поможешь, я же знаю,
Ты скажешь мне: — Родной, поспи,
И пусть тебе приснятся дали,*

*Цветные розовые сны,
Летай в них выше, выше, выше...
А как проснёшься утром ты,
Так о прекрасном и напишешь.*

Эффект от издания превзошел все ожидания. Когда же не позвонила её знакомая и рассказала, что, читая книгу, они с мужем весь вечер проплакали, когда молодая девушка рассказала мне, что, её папа пять раз подряд прочитал одно из стихотворений а потом переписал его, когда в одной из библиотек у меня попросили ещё один экземпляр, потому, что их сотрудница уезжая на постоянное место жительство в Париж, не хотела с ней расставаться, я понял, что все было не зря, и мы с Вдохновением нашли общий язык.

Последнее что я попытался осуществить это написать полновесное произведение в максимально сжатом формате. Получилось четыре строки:

*Проснулся как-то- голова в тумане
под впечатлением увиденного сна.
Приснился поезд я на нем приехал к маме,
туда где детство и где вечная весна...*

Приснился поезд...

– Вот и все – подумал я, своей вершины я достиг. Лучше уже не напишу, а толочь воду в ступе – это не мое. Надо прислушаться к мудрому совету древних:

если тебе нечего сказать – надо прекращать говорить.

Решение было бесповоротным – с поэзией завязать, тем более что с ее предназначением и с самим главным поэтом я определился:

*Поэзия – во всем: в любви, в свободе,
В трудах великих и сезонной моде,
В надеждах, помыслах и розовых мечтах,
В младенчестве и старческих летах,
В терзаниях души, в ее стремленьях,
В природе, что нам дарит вдохновенье.
И тот, кто сотворил для нас все это,
Был гениальнейшим из всех поэтов!*

Перейдя на прозу и копаясь в истории, я уже стал знакомиться с новыми музами. Они были более серьезными и предсказуемыми. Однако... подумал и сделал заключение:

В каждом писателе должен жить строгий и объективный критик, который может трезво оценить сотворенное и различить, что было написано в обычном пьяном угаре, а что под воздействием божественного напитка «Вдохновение».

Последователи

Такой трезвый взгляд приходит с опытом, одно лишь жаль – не ко всем.

В молодости почти все поэты прошли стадию самоутверждения и не всегда удачно. Ко многим надолго прилипает прозвище «Поэт» с негативной интонацией: – Что с него взять – ПОЭТ...»

Мне помог случай который всплыл в воспоминаниях о том времени когда с музами я еще только заигрывал:

*Читал стихи я раньше всем подряд,
Тогда, когда я их еще писать учился.
В ответ, то снисходительный мне взгляд,
А то советы, чтобы подлечился.*

*На людях графоманство проверял, —
Ну, наивняк же был, ни сном ни духом,
Пока мужик мне в электричке не сказал,
Дыхнув несвежим перегаром в ухо:*

*– Фонтаны отключаются зимой,
Поэтому меня послушай, милый,
Зима настала, слышишь, дорогой? —
Поэтому заткнись, не фонтанируй!*

Та фраза так застряла в голове,

*Хотя поэтом и нормальным уж считаюсь,
И вроде бы и лето на дворе,
Но очень редко я теперь включаюсь.*

Остановился, переосмыслил, и понял, что все ранее со-
творенное в лучшем случае надо сжечь, в худшем сдать в ма-
кулатуру или наоборот.

Так как этот начальный путь проделывают практически
все, я пытался начинающим помочь.

В прошлом тысячелетии (согласитесь – громко звучит),
в середине 90-х вышла моя первая книга «Проба пера».
В ней я делился секретами поэтического мастерства, на чи-
сто бытовом уровне. Замечу, Тогда еще не было открыток
со стихотворными штампами и стихоплеты моего уровня
всегда имели портфель заказов. Однажды пришлось писать
поздравление заместителю министра СССР.

Получилось некое пособие по сочинению поздравлений
и дружеских шаржей, набор забойных рифм.

Там же можно было найти шутки и стихи для вечеринок
и капустников. Кто-то даже использовал книгу для проведе-
ния КВН районного масштаба.

Заканчивалась оно таким пожеланием:

*Мгновения уносятся бесследно
И в легкой дымке где-то исчезают,
И также тихо, вроде незаметно
Вся наша жизнь когда-нибудь растает.*

*И мысли исчезают как мгновенья,
Как за обедом исчезают беляши,
И если есть хоть капля вдохновенья,
И мысли дельные – возьми и запиши.*

Интересно, что именно в то время началось повальное увлечение нашего народа стихотворчеством. Я не склонен был брать ответственности на себя – книга была издана мизерным тиражом. И хотя она ходила по рукам, исчезала из библиотек.

Ее даже ксерокопировали.

Но по большому счету это было совпадением.

Вероятнее всего, народ которому раньше настоятельно рекомендовали думать молча, а говорить лишь на своей кухне и то вполголоса, обрадовался свободе слова. Люди у нас ученные и потому еще несколько лет осторожничали и присматривались, как бы что не так вышло.

Потом же, осмелев, с энтузиазмом ринулись на прорыв. Ну а про наш энтузиазм во всем мире знают. Какое еще там Вдохновение, какие еще там Музы!

Я и раньше относился к графоманам отрицательно. Прочитав несколько сборников местных «самородков» и зацепившись за выдающиеся строчки типа:

«*Писать в поэзии мне мало...*» и «*Я был не в меру босоногий*», у меня родился образ сельского поэта:

Я был не в меру босоногий,

Копна торчала из волос,
Сначала видом был убогий,
Но постепенно рос и рос.
Сутулую расправил спинку,
Но не совсем ещё был голяк,
Слегка на дикую травинку
В те времена я был похож.
Но жизнь немного лучше стала —
В газетах то смогли прочесть,
Еды сначала было мало,
Потом почаще стали есть.
Вот стали плечи раздаваться,
Ступни чуть подросли у ног,
Свободно стал я раздеваться
На пляже — раньше я не мог.
И конопатые девчонки
Вдруг заглядятся на мой стан
И засмеются громко-громко,
Ни дать ни взять как мой баян.
Ну а когда окрепшим в меру
Пошёл в заочный институт,
Я стал уже для всех примером,
Мой лоб был несравненно крут.
Теперь легко по жизни шпарю,
Грудь колесом, под ней живот,
Пищу стихи, ветеринарю
И славлю землю и народ!

Это был небольшой вал местного значения проходивший

под грифом «Поэты от сохи». Они подражали и всем и сразу.
В чести был, конечно, Есенин.

Но до девятого вала еще было далеко...

**Всюду бизнес процветает – кто что может продает
У меня же дури много, но никто вот не берет!**

Напор растёт

Чуть позже мне попали в руки питерские литературные альманахи первых лет нового тысячелетия «Рог Борея», «Остров» и газета вновь созданного Межрегионального Союза Писателей Северо-запада «Русь».

В них оформился образ городского графомана. Возник он у меня в форме литературной пародии, жанр, который захватил меня практически на год. Одну из пародий я назвал **«Несправедливость»**:

*Машин по Питеру!
Откуда столько денег?
Александр Лазаревский «Рог Борея»*

*Машин по Питеру!
Откуда столько денег?
А у меня в кармане ни копыя.
К тому же день хреновый – понедельник,
И зеркало чужое – в нём не я.*

*Протру глаза, пошарю по карманам,
На пиво, может, всё же наскребу,
В сердцах упомяну чужую маму
И сплуну сквозь подсохшую губу.*

Все намекают мне, что я бездельник,

А я поэт, точнее, я пиит!

Машин по Питеру! Откуда столько денег?

А мой Пегас некормленный стоит.

ственные журналы «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» и другие, я нашел этих ребят и там. Но здесь графоманство маскировалось под изысканность и интеллектуальность. Тогда то я и понял, что все они достойны большего внимания с моей стороны. Все эти потуги меня, к тому времени спокойного и уравновешенного человека заставляли не на шутку нервничать.

Примерно о том же информировал в своих афоризмах Валерий Пивоваров:

**Напрасно Муза дивный слог пыталась
вставить...**

**Вчера меня посетила Муза и ей пришлось
вызывать Скорую...**

И действительно, сколько же их вылезло, кричащих о своей гениальности! Тут никаких «Скорых» нехватит... При таком поэтическом ажиотаже Музы видимо растерялись и куда-то запрятались.

Тогда большинство из новоявленных гениев перестали дожидаться посещений этих капризных особ, и нашли более подходящую фигуру в поэтической мифологии Пегаса. Его то они и попытались запрячь, чтобы пахать поэтическую ниву. Действительно, листая всю эту макулатуру, нельзя было не отметить их жуткую работоспособность. Да они и сами этого не скрывали, выставя себя в образе измученного раба:

Я у рифм в услужении,
Я у ритма в плену, —
Я у них в услужении,
Я на них спину гну,
Я на них силы трачу
И который уж год,
Даже ночью батрачу
Я на этих господ.

Как они писали о нашей природе! Глубокомысленно: *«Тишина насторожила уши...»*, порой с задором: *«Погодка краснолыжная, пушистая, булыжная»*, а иногда с детской наивностью: *«Зверьки попрятались в лесные домики // Листва опавшая сложилась в томики»*.

А как они писали о Родине, или о бессмертном подвиге наших воинов в последней войне! Например:

«Не хмурь ветеран опаленные брови...», или *«Смертельным огненным шквалом в бой первым шел комиссар!»*.

Это же было настоящее издевательство! И ни какой самокритики, ни одой здоровой мысли. Хотя, была одна, питерского пиита Владимира Саранчука:

А утром с головною болью
Смешно про Родину писать,
Всё исказишь, тоской отравишь,
А люду бедному читать.

Мне стало вдруг очень жалко и наш бедный люд, и тонны бумаги, и типографскую краску. К тому же всё же мучила совесть, а вдруг в этой лавине пяток-десяток «гениев» когда-то вдохновлённых мною. Нет, решил я, надо отдавать должок, и в противовес сборнику с рекомендациями как писать стихи, выпустил книгу «Сёдла для Пегаса, или поэтическая ярмарка», где выступил в роли критика и поэта-пародиста. Это уже была книга о том, как нельзя писать стихи. Музы мне для этого не понадобились, так как сами эрзац поэты меня будоражили и вдохновляли. Здесь тема Вдохновения была затронута более масштабно, ведь выражалась она уже не только от одного лица. Сначала в качестве «красной строки» я хотел взять такое откровение одного из пиитов:

«Я всегда найду себе покой, онемев над новой строкой».

Но это оказалось всего лишь красное словцо. Нет, решил я, фонтаны надо затыкать! С выдержками из этой книги я и хочу вас познакомить.

Музы спрятались

Итак, музы попрятались, однако самые любвеобильные поэты моментом возвели в разряд муз, дам своего сердца. Об этом, в порывах откровения они иногда проговаривались:

Песни петь я совсем не умею,
А с тобою готов петь всегда.

В основном это были местечковые «гении», воюющие с трудностями поэтического слога. А личные музы им хоть и помогали, но без ожидаемой прыти. Однако, чтобы читатели этого не заподозрили, они, слямзив рифму и образность гениальных предшественников, усилив эротичность восприятия, делали своим музам посвящения типа:

Твои груди пара лебедей,
Я не первый их ласкаю из людей,
Я целую их, милую их любя,
Ведь они такие только у тебя.

Вот одна из пародий на такого любвеобильного поэта:

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Я люблюсь твоими коленями,

*Обнимаю, целую их с силою.
О любви к тебе пишу стихотвореньями,
Не могу позабыть тебя милую.
Александр Коновалов*

*Нет, ты не знаешь, сколько мне трудов
К тебе в любви писать стихотвореньями,
Я пропустил уже десяток снов,
Сломал три ручки в это воскресенье.*

*Мне страсть такую не преодолеть,
Полгода бьюсь с лукавыми сомненьями,
Но ведь однажды было, было ведь —
Я обнимался с этими коленями.*

*Но дальше не пустила ты – ни-ни!
Неужто не могла чуть-чуть расслабиться?
А мне теперь никак вот не усни,
К тому же на бумагу надо тратить.*

*Сейчас отправлю новое письмо,
Хочу отметить: все конверты авиа,
Пью только чай, какое уж вино,
Пью за любовь и наше с вами здравие!*

Конечно, не каждая женщина может выдержать такую обременительную нагрузку. Да и сами поэты иногда пресыщались о чём иногда в сердцах оговаривались:

*«Необходимо дать себе свободу,
предмет любви избрать повторно.»*

Кто же будет спорить? По себе скажу – влюблялся неоднократно. Яркие женщины оставляют яркие воспоминания, любительницы косметики – ароматные, а есть очень сдобные, воспоминания о которых очень аппетитны. Но тут вдруг наткнулся на витаминное восприятие своей подруги. И опять я вдохновился.

ФРУКТОВЫЙ САД

*Куда там фруктам до тебя,
Нитраты фрукты доконали.
О том, как я люблю тебя
Хочу, чтоб в целом мире знали.*
Иван Майборода

*Ты самый мой большой фруктовый сад,
Тот сад, что я однажды посетил,
И словно забродивший виноград,
Тебя в себя я вдохновенно влил.*

*Когда впервые обнажилась предо мной,
Тебе решил поэму посвятить,
Пишу её и летом и зимой,
Но всё её никак не завершить.*

Я всех поэтов переворошил,

*Я приглашал к себе все девять муз,
Уже не вспомнить, с чем тебя сравнил,
Здесь авокадо, здесь и манго, и арбуз.*

*Весною ты цветёшь, как пастернак,
И как капуста, зреешь к ноябрю,
Но вдруг почувствовал я: что-то здесь не так,
Нитраты появляются, смотрю.*

*А я их, между нами, не люблю,
Они обычно деформируют живот,
Тебя, чуть перезревшую, молю:
Ну потерпи, не увядай хотя бы год.*

*Уверен, справлюсь месяцев за семь,
Шедевр родится и для сердца и для глаз,
А после я тебя, конечно, съем
И про огрызок напишу рассказ.*

И хотя графоманистый люд в период поиска очередной своей вдохновительницы и высказываются с долей цинизма: «Нет подруг при встречах нелюбимых...», каждый хранит в сердце заветную мечту о той единственной, которая и согреет и поймет.

На поиски идеала меня натолкнули строчки Геннадия Елистратова: «и светлую избу построит, и песню о друге споет, и в космос дорогу откроет, и лебедем в вальсе плывет. Стихи прочитает и спляшет, и стопку до края на-

льет...»

МЕЧТА ПОЭТА

*Давно проникаюсь мечтою,
Надеюсь, и жду, и грущу.
Уверен: её я достоин —
той самой, какую ищу.*

*Прикрыть мне глаза только стоит,
и вновь предо мною Она,
что с легкостью избу построит
и выпьет со мною вина.*

*Она и борща мне наварит,
стихи с выраженьем прочтет,
любовью и страстью одарит,
пока я дремлю, простирнет.*

*И с легкостью, как между делом,
до блеска начистит паркет
и, радуя стройностью тела,
крутнёт предо мной пируэт.*

*И в баньке похлещет до пота,
уложит меня на кровать,
сама ж упорхнет на работу
любимые шпалы таскать.*

Мне приходилось встречаться с доморощенными поэтами на их тусовках где я быстро понял, что меня там не ждут. Чувствовал, я им мешаю и как бы укор: нельзя так писать, надо писать как все! Чего все косишь под классиков? Им-то можно – они уже умерли, а ты живой и или пиши как пишут они, или вали подальше. Что я и сделал.

Они с увлечением издавали свои сборники и издавали журналы. Они даже учреждали свои премии и медали и проводили свои презентации чуть менее шикарные чем вручение Оскара.

Медаль одного из новоявленных писательских объединений

Если мне было не по себе от этих «гениев пера», то ка-кого было Музам? Об этом хорошо сказал Александр Коно-патский:

**Когда он называл себя поэтом, кошмары музам
начинали сниться!**

Несправедливость

Вдохновение субстанция не материальная – вдохнули в тебя а ты трудись и воплощай что надуло. Получить из нематериального материальное и шелестящее оказалось проблематичным. А как хотелось... Избитое:

краткость- сестра таланта и мачеха гонорара!

заставляло новоявленным писателям усиленно нажимать на перо и давить на клавиши множа свои «шедевры»

К концу 90-х все литературные и периодические издания были завалены. В одних только интернет-сайтах поэтов на сегодня числиться около ста пятидесяти тысяч. Ребята пёрли напролом и брали штурмом отделения Союза Писателей. Естественно, СП стало не хватать, и их сначала стали делить, потом размножать, а затем создавать и новые поэтические братства:

Все люди – братья! А поэты,
Должно быть, братья-близнецы:
Хотя по разному одеты
И разные у них отцы.

Николай Васильев

Братства, создавали свои газеты и альманахи. В них они восхваляли своих и выливали уша-ты грязи на конкурентов.

Но всех их всё же мучила не восстребованность, пишешь,
пишешь, а толку?

Меня уж пол-Питера читает,
Да только Лениздат не сознает
Того, насколько он теряет,
Что до сих пор меня не издает.

Александр Лазаревский

Даже штатным писакам старого формата, воспевающим
боевые и трудовые подвиги советского народа, стало совсем
невозмогу:

ЧТО ПОЭТА НЫНЧЕ КОРМИТ

Ибо будь ты в лучшей форме,

Не поднимешься со дна.

Что поэта нынче кормит?

Переводы и жена!

Вадим Борисов-Введенский

Мне сказал поэт маститый

За стаканчиком вина:

– Трудно жить сейчас пиштам,

Хорошо, как есть жена.

Повезло поэту Славке,

Что ему тот гонорар.

Его баба на заправке —

Там совсем другой навар!

*А у песенника Васи
Головной экономист
На какой-то крупной базе —
Потому он оптимист.
— А у вас? — вопрос свой вставил,
Продолжая ту канву.
Сплюнув, тон он малость сбавил:
— Переводами живу.*

А что уж тут говорить про молодых, энергичных, рвущихся к славе. Не получив признания, они просто полыхали:

ПРОКЛЯТЬЕ

*Рассыпья, нечистая сила,
Отхлынь, кровожадная, прочь!
Ты счастье мое надкусила,
И мне уже трудно помочь.
Борис Маслобоев*

*Мне на уколы денег не хватает,
Есть на таблетки — правда, не на все,
Вот потому и ведьмы донимают,
Особенно на взлётной полосе.*

*Я так хочу к заоблачным вершинам
Взлететь — хоть на Олимп, хоть на Парнас!
Но эти кровожадные скотины
Мешают мне уже в который раз.*

*Как только соберусь я разбежаться,
Чтоб оторваться от земли и воспарить,
Они, подлюки, сразу же кусаться
И мётлами по голове вовсю лупить.*

*Закончилось давно моё терпенье,
На эту разухабистую тать
Во все инстанции пишу я заявления,
Что классиком мне всё мешают стать.*

*Искусанный, избитый этой бандой,
Который год страдаю день и ночь.
И даже рогбореевские гранды,
Боюсь, не в силах мне уже помочь!*

Отовсюду звучали жалобы о своих творческих мучениях, проблемах со здоровьем, издержками во внешности:

«Опадают кудри словно листья...»

«С высоты прединсультного пика...»

На пути самовыражения они с тоской и печалью рассказывают нам свои проблемы с финансами и делятся грешными мыслями.

У ПОСТАМЕНТА

*Тут глазам Ильич бронзовощёкий
С ручкой указующей предстал.*

*От народа страшно он далёкий,
И народы страшно он достал.
Генрих Лазаревский*

*Стоит везде в знакомом эпатаже,
То с кепкой, крепко сжатую в руке,
А то рукой протянутой укажет:
Там коммунизм, совсем невдалеке.
Гранитный, бронзовый, иной раз и бетонный
Народом водружён на постамент,
Вчера он гением у нас был наречённый,
А ныне – непонятный элемент.*

*И хорошо, поставили повыше,
Лишь голуби, бывает, достают,
Но вот недавно я такое слышал,
Что кое-где в цветмет его сдают!
Гранитно-там или бетоннощёткий,
Да пусть стоит – хоть площадь, хоть вокзал,
Народу в этом виде он далёкий,
А бронзовый – народы он достал!*

*Часа четыре Генрих, углублённо,
В задумчивости рядом с ним стоял,
То ли в рубли переводил он тонны,
А то ли рифму новую искал.*

Совсем другое дело – поэты, пробившиеся в избранники,

имеющие какое-никакое имя, членство в СП, ученые звания и пр., прописавшиеся на страницы известных журналов. Они манипулируют словами и терминами, пока ещё недоступными обычным пиитам.

ПАДЕЖНЫЙ ПАССАЖ

*Плывут минуты океаном
Всепоглощающих надежд.
Мы в танце медленном и странном
Играем в дательный падеж.*

Сергей Новиков

*Имею к вам я предложение
Прочесть прекрасные стихи.
В них чувств несу своих брожение
И мысли – как они лихи!
Они все родились в мученьях,
Как схватки были тяжелы!
И вырвалось стихосложение
Из мрака беспросветной мглы.
В нём для умов даю вам пищу,
Запал душевному огню,
Я вас от пошлости очищу.
Ничуть себя в том не виню,
Что при творенье силы отдал,
Оставил бы – лучшие б жил,
Всё, что скопил за эти годы,
Вам безвозмездно предложил.*

*Себе ни капли не оставил,
Весь на нулях – мой путь в бомжи.
Как тяжёк путь к бессмертной славе!
Ах, надежи вы, надежи...*

Проанализировав ситуацию, я решил с этими наивными мечтами о вознаграждениях и гонорара завязать, тем более, что такой же как я неприкаянный Александр Циткин озадачил вопросом:

Являются ли однокоренными слова «гонор», «гонорар» и «гонорея»?

Путь к бессмертию

Но все же и гонорар, даже с приложениями званий и дипломов для поэтов не главное. Да это и несовместимо. Вы где-нибудь слышали – богатый поэт?

Помнится римский богач Мecenат, чтобы втереться в доверие императору Августу заказал поэту Горацию серию гимнов во славу правителя. И подарил удачливому поэту по-

местье.

Но почему-то все предпочитают воплотиться в осуществившуюся мечту Пушкина. Александр Сергеевич в своих мечтах видел памятник себе гениальному, о чем и обмолвился:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

с намеком: а остальное дело ваших рук.

Причем писал он это перед смертью, уже признанным гением. А вот непризнанные ходят толпами и умоляют: послушайте, я вот на на пару с Вдохновением создал! Причем «создал» звучит значительнее чем «воздвиг».

За непризнанными старательно подтягивается молодежь. Они тоже хотят примазаться к вечному, изобрести что-то новое. Но и предшественников иногда продолжают.

ОТХОДИЛОСЬ И ОТЪЕЗДИЛОСЬ ЗА КРАЙ...

Так жилось, так пелось, так писалось,

Так ходилось-ездилось за край...

Василий Ковалёв 27 лет

Не жалею, не зову, не плачу —

Мысль такую высказал поэт,

Он, как я, был, знаю, тоже мачо

И писал, когда моих был лет.

И меня тут мысли посетили,

*Что уже, похоже, отжилося.
Всё-то мы по жизни откоптили,
Всё уже отпелось, отпилося,
Отлюбилось маковым цветочком,
Отстрелялось, будто из ружья,
И отпенилось пивком по почкам,
И отбилося (били всё мужья).
Лучшего, считаю, уж не будет,
И отъездилося уже, похоже, в Крым,
Как довяну, между нами, люди,
Улечу, как с белых яблонь дым.
Все поэты так вот тосковали
О былом – я тоже будь здоров.
Я хочу, чтоб все в округе знали,
Как страдает Васька Ковалёв!*

Ну а некоторым обыденность слогосложения классиков не по по вкусу и потому они смело вносят свежую струю:

ГРЁБАНЫЙ СТИХ

*Выполз нег на зелен луг.
Тихо лёг.
Полежал один денёк
и утёк.
Александр Левин, молодой программист*

*Выполз Грёб на белый свет,
тихо лёг,
полежал чуть-чуть,*

затылок поскрёб.

Что-то в мире воздух стал

сыроват,

и народишко кругом

туповат.

Мимо Левин шёл проведать куму,

и пригрёбся Грёб наш сразу к нему:

– Саш, пошли-ка покорять белый свет,

станешь враз и программист и поэт.

Буду рифмы я тебе пригребать...

А и вправду, что такого не взять?

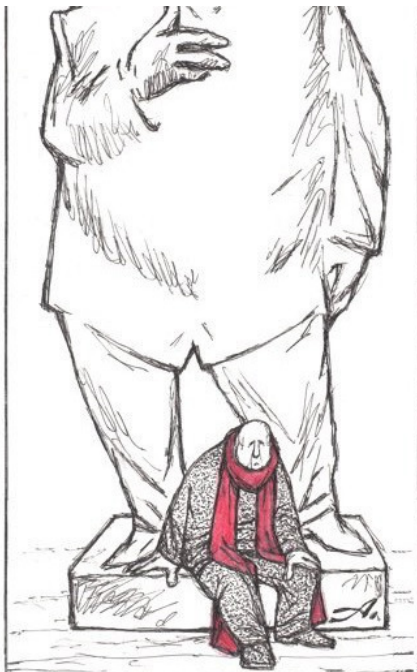
Псевдонимчик прилепил ему – Нег

И галопом в стихотворный забег.

Строчки сразу же все стали лихи,

Жаль, негодными враз стали стихи.

В конце концов, переворошив всю эту разномастную кучу, я остановился на главном мотиве этих творцов. Не намного отличаясь от упомянутого в начале Васи, который за-
верял, что он здесь был, все они хотят увековечить свое имя.

Пределом мечтаний поэтов всех категорий является одно:

БЕССМЕРТИЕ

*Кто должен умереть – умрет.
Кто выживет – бессмертным будет.
И, если даже смерть придет,
друзья за это не осудят.*

Геннадий Елистратов

*Кто должен умереть, умрёт.
Не сомневайтесь, это будет с каждым,
Ко всем: кто ждёт её и кто не ждёт —
Костлявая заявится однажды.*

*Пусть кто-то попытается сбежать,
А кто свой дом на все запоры закрывает,
Но ей на все уловки те плевать,
Трусливых она, ох не уважает.*

*Вот то ли дело я, хотя не жду
В ближайшем будущем её прихода,
Средь смельчаков не в заднем я ряду,
Отвагу подарила мне природа.*

*Придёт, скажу: – Вот все мои грехи,
За них готов я понести и кару,
Зато какие я пишу стихи
Великолепные, прочти хотя бы пару.*

*Она взахлёб десятков их прочтёт
И где всплакнёт, а где-то улыбнётся,
И вся костлявость у неё уйдёт,
Она вдруг спелым яблочком нальётся.*

*А я скажу: – Вот я с тобой уйду,
Друзья меня, конечно, не осудят,
С трудом переживут эту беду,
Но что же с человечеством-то будет?!*

*Ну кто слова поддержки всем найдёт,
Подскажет путь – куда идти, откуда?
Смутьившись, смерть тихонечко уйдёт...
А я останусь и бессмертным буду!*

PS. Будут ли востребованы поэты в будущем, сказать затрудняюсь. В самом ближайшем времени этого точно не произойдет.

Упрощение языка, нивелирование потребностей и моральных принципов не способствуют развитию данного вида творчества.

Уже сейчас поэзией интересуются менее одного процента читателей, да и то большинство из них те, кто сам пытается писать.

Но стремление к самовыражению у людей будет всегда.

Вот с ними я и хотел поделиться своим взглядом на пресловутое состояние ума и души **Вдохновение.**

В процессе любого творчества участвуют две составляющие – разум и эмоции. Причем разум участвует в этом процессе дважды. Сначала через него проходит информация извне, отчего зависит полнота и красочность картины восприятия, а потом с его же помощью рисуется другая картина, в которой смешаны эмоциональная и философская составляющие каждого индивида. Только развитием ума и глубиной эмоций достигаются яркость восприятия и социальная

значимость каждого произведения.

Гори гори ясно...

Вдохновение не приходит свыше. Оно находится внутри каждого и требуется лишь какой-то небольшой толчок, маленькая искорка, чтобы его разжечь.

Но разжечь можно лишь те души, в которых есть чему гореть.

Здесь и далее будут приведены отзывы на публикации эссе и очерков на российских и зарубежных сайтах.

«Растолкуйте, слезно прошу, что это за графоманы появились среди нашего народа? Кто говорит, что болезнь такая, а кто, что это бандиты с ножиками.

Я вот и стихи на эту тему написал:

Сегодня я немного пьян,
уж строго не судите, —
придет к вам ночью графоман,
когда вы крепко спите!

И дальше, для страху добавил:

Он ваши деньги заберет,
и книжку искромсает,
изрежет толстый переплет,
где муза обитает,

и еще:

Разбудит в темноте жену
и с вашими стихами
ее, бедняжечку, одну
к ее отправит маме.

А если это все-таки болезнь, то написал по-другому:

Ты болен, черт тебя дери,
Ты, что, схватил заразу?
А помнишь, как бежать к двери,
Чтоб быть на месте сразу?
Стихи какие изорви.
Короче, ты из книжки
Стихи свои назад бери
И сдергивай штанишки.

Конечно, я никогда такую антиобщественную вещь не написал бы, я же не псих, но прочитал несколько статей на эту тему, ничего не понял, и поэтому стал приводить мысли в порядок. Взял листок бумаги, и вот все это родилось само собой.»

После долгой утомительной цитаты, которую к тому же воспроизвожу не полностью, хочется добавить и собственные мысли.

Всегда были пишущие люди. Пушкин и граф Хвостов, который вошел в русскую литературу тем, и не только тем, что увидел зубы у голубя. Достоевский, Лев Толстой, Вера Панова, Константин Паустовский, Корней Чуковский, Агния Бар-

то. И еще десять раз по десять тысяч поэтов и прозаиков. К примеру Николай Шпанов, который пек толстенные романы как сдобные булочки. И получал приличный гонорар.

У нас поэты денег не зарабатывают. А потому – все сплошь графоманы, за редким исключением московских более пронырливых собратьев.

Кстати, и автор статьи А. Аимин сам стихи создает, и честно свой хлеб отрабатывает а администрации Лужского муниципального образования Пензенской области. Может, и его отнести к той же категории?

Почему люди пишущие становятся болевой точкой? – Тут да же, пишет!

У любого поэта найдутся стихи, которые с графоманскими схожи. Но хватает у публики уважения не слишком задевать устоявшееся имя.

Вопрос: А как имя приобрести? Сразу писать гениально, как Вильям Шекспир?

Ответ: Современникам нашим это не по плечу. Вот у общества остается два варианта: или остаться навеки только с Шекспиром, или позволить человеку расти и учиться

на собственных ошибках.

Люди, пробуящие себя в литературе, требуют не приклеивания ярлыков, а ежедневного доброго к себе внимания. Со стороны как поэтического сообщества, так и официальной власти. Задачей власти должно быть не вырастить второго Вильяма Шекспира у нас в России, а постепенно поднимать уровень культуры, нравственности народа. И в этом у нее есть помощники, не так ли, господин Аимин?

И когда находятся многие тысячи энтузиастов, появляются и снобы. Им надо быть радетелями за чистоту и точность русского языка, который, кстати, рождает народ, и во многом вот эти пишущие.

Вот ведь беда, при всем начальном интересе к статье, к середине автор уже приобрел изрядно занудства, демонстрируя свои способности (меньше примеров было бы убелительней), что только уважение к теме и проделанному труду заставило меня выискивать аргументы про и контра из дальнейшего.

Феномен, который мы обсуждаем, я уже в одном из постов назвал так – мы идем к пишущей нации, и за это нас будут уважать в мире.

Мы никогда не обругаем гжель, жостовские поделки.
А тут-то чего мы раскричались?

— Ах, как много развелось в России пишущих стихи и прозу! Ах, какой кич!

На кого кричим?! Уж не народ ли?!

Аноним

Вот вчера ко мне, кажется, пришло вдохновение: буквально за час написал стихотворение (о, для меня это прорыв), а на утро прочитал — такая, извините, дребедень.

Вот и жди после этого вдохновения...

Даниил Веретенников

Благодарю, Алексей, пишу уже давно — я не новичок в стихии стихов. Вот только вдохновение — вещь тонкая и непостоянная, уввы.

Нора Нордик

*Мы самая пишущая страна в мире. Самая говорливая
Вот за эту страсть нас и надо хвалить.*

А то — вы такие, вы сякие. А мы всякие!

Мы любим свой край, свой язык

А те, кто хотел бы заставить людей молчать и так уже

достигли многого.

Надо в людях хорошее искать, а не ярлыки клеить на спину, как на зоне.

Простите, что рассердился.

Заинтересовавшись деятельностью графа Дмитрия Ивановича Хвостова, я провел небольшие литературные раскопки в Интернете. Поисковая система «Яндекс» любезно выдала мне ровно сто страниц ссылок. Я узнал и о математическом определении графа, о том, что это чудовище имеет не столько голову, но и несколько хвостов, и я разыскал также многое о том, что мне было нужно; относительно Дмитрия Ивановича сведений было предостаточно.

Я это знал и ранее, что граф Хвостов был полноправным участником литературного процесса пушкинской поры, по плодовитости он превзошел многих и имел вполне сложившуюся репутацию в литературном мире. Не было самого мелкого события, на которое он не откликнулся бы басней или одой. Он не был одинок. Людей, не наделенных большими талантами, и в то время было немало. Так, Константин Батюшков в стихах, отосланных Вязмскому, упоминает еще об одной личности:

Я вижу тень Боброва

Она передо мной,

Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой;
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи, Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов; Им дышит граф Хвостов, Шахма-
тов оным дышит, И друг твой, если пишет
Без мыслей кучи слов
<1817>

Обратим внимание на концовку стиха: некто «пишет без мыслей кучи слов»

Любите русское слово, и хватит о графоманах!

Врачу: излечися сам. Это ко всем нам поэтам относится
Исключения сделаем только для малого числа людей, то-
го заслуживающих. Давайте не будем искать среди нас ни
тех, ни других.

Главное, не писать «без мыслей кучи слов», и все!

Николай Ганебных

СТРАСТИ ПО ПЕГАСУ

Когда мне было 12 лет, нас, участников хореографического коллектива «Дома пионеров» наградили поездкой в Ленинград. Естественно повели в Эрмитаж. Мифов древней Греции я тогда еще не знал, и потому после все в голове перемешалось.

Однако, отчетливо помню, что меня поразила картина «Персей и Андромеда» художника Рубенса. Причем два ее персонажа – почти обнаженная Андромеда, что было вполне естественно для моего возраста, и крылатый конь необычной яркой масти. Экскурсовод нам сказала, что это Пегас.

С тех пор имя коня у меня надолго стало ассоциироваться со словом пегий.

Возможно, я бы и прожил с этим детским заблуждением всю жизнь, если бы не стал поэтом. Пегас всегда был люби-

мым персонажем юмористов и сатириков. Даже поэтессы над этим персонажем подшучивали:

*«Принца на коне» – такой заказ —
У судьбы просила со слезами...
Вместо принца прилетел Пегас —
Блин, теперь кормлю его стихами*

(некто Зульнара)

Но перейдя к более серьезному творчеству, пришлось заполнять пробелы в своем образовании. Среди прочего пришлось окунуться и в мифологию и в этимологию. Из последней я и узнал, что определение пегий произошло от др. русского п; гъ, (ст. славянский п; готивъ) и означало – веснушка.

В болгарском, польском, словенском и чешском языках это слово в этом значении живет и сегодня. Однако, когда углубился в исследование этого мифологического существа небольшую связь между Пегасом и пегой мастью я все-таки нашел. Но все по порядку...

Кто же он – Пегас?

Если сейчас попробовать спросить у людей: какие ассоциации у них вызывает слово Пегас? – то ответы могут быть самые разнообразными.

Далекие от творчества респонденты вспомнят туристическую фирму и сигареты «Пегас», кто-то даже, назовет и океанскую рыбу Пегасик.

Самый вредный «Пегас»

Молодое поколение знакомо с созвездием Пегас из телесериала «Звездные врата Атлантис» и известной компьютерной игрой.

Если же покопаться в справочниках, то там можно найти и ракету «Пегас» и легкий советский бомбардировщик 1943 года с этим же именем. Но, все-таки большинство людей знает крылатого Пегаса как символ поэтического творчества. Вот строки из стихотворения Владимира Набокова написанные в 1922 году:

*Гляди: вон там, на той скале – Пегас!
Да, это он, сияющий и бурный!
Приветствуй эти горы. День погас,
а ночи нет... Приветствуй час пурпурный.*

*Над крутизной огромный белый конь,
как лебедь, плещет белыми крылами, —
и вот взвился, и в тучи, над скалами,
плеснул копыт серебряный огонь.*

Легенд и мифов о Пегасе много. По одной из них, конь был рожден медузой Горгоной от Посейдона, и выпрыгнул из ее туловища вместе со своим братом воином Хрисаором. Произошло это в тот момент, когда Персей отрубил ей голову.

По другой легенде его породила попавшая на землю кровь той же Горгоны. Летал Пегас с быстротой ветра, жил в горах, предпочитая две из них – Парнас и Геликон.

Ударом копыта о землю он мог выбивать источники. Так, например, у рощи Муз на горе Геликон возник источник

Гиппокрена (Лошадиный источник), из которого впоследствии черпали вдохновение древнегреческие поэты.

Охлаждала же пыл история о том, что когда-то сын Посейдона Беллерофонт, с помощью золотой уздечки Афины, оседлал Пегаса и победил Химеру. Но потом в эйфории от этой победы попытался взлететь на Олимп. Зевс воспрепятствовал этому – наглец упал на землю, и стал калекой, а Пегас стал возить главному олимпийцу грома и молнии выкованные Гефестом.

Может потому поэты и были скромнее Беллерофонта, и мечтали не об Олимпе, а хотя бы о Парнасе, где на одной из двух вершин находилась сталактитовая пещера, которую древние греки называли Корикийской. Там в древние времена устраивались вакхические празднества, где и вино лилось рекой, и Музы своими полуобнаженными телами дарили поэтам вдохновение.

Вакханалия. Никола Пуссен

Пегас был так популярен, что стал символом города Коринфа. Примерно с 550 г. до н.э. там начинают чеканить серебряные монеты с изображением Пегаса. Назывались они статер и были весьма весомы: примерно 3 драхмы (8,7 гр. серебра).

Пегаса с Коринфом связывала одна из легенд, согласно

которой этот мифологический персонаж имел там стойло у источника Пирена. Там его и поймал Беллерофонт. Такие понятия как символика и геральдика тогда еще не существовали, но, видимо, образом Пегаса и было положено начало. Лет через 30 начали чеканить монету и Афинах, где на одной стороне была голова Афины Паллады, а на второй все тот же Пегас.

Ценность этих монет сегодня очень велика, и современный Пегас, изображенный на итальянской монете в 10 лир в стоимости им значительно уступает.

Кони – история...

Для многих людей кони по сей день ассоциируется с ветром. А какие главные характеристики у ветра? – быстрый и вольный. Из домашних животных кони выделялись именно этим – быстротой и норовом.

Их скоростные рекорды поражали людей уже в древние времена. Например, почта персидского царя Дария позволяла преодолевать всадникам расстояния в 200 километров в сутки. А вольность подтверждается тем, что лошади были одними из самых последних одомашненных животных.

Стада коней когда-то вольно паслись на огромных просторах Южнорусских степей, где дикие лошади встречались еще в первой половине XIX века. Их же на границе с Китаем встречал русский путешественник Пржевальский.

По свидетельству археологов самые первые попытки приручить коней делались в Южном Предуралье (ботайская культура). Это подтверждают раскопки на стоянках Муллино и Давлеканово, расположенных на территории Башкирии (VII – VI тыс. до н. э.). В древних поселениях, состоявших из 50—150 землянок, найдены сотни тысяч костей животных, и остатки загона для них. Подавляющую часть находок составляют кости лошадей примерно одного возраста до 5 лет.

Деревня первых коневодов. Реконструкция

Поначалу коней использовали только для питания. Потом кроме мяса стали употреблять в пищу кобылье молоко. Затем лошадей стали использовать для загона своих же диких собратьев.

Примерно 5 тысяч лет назад южный Урал и северный Казахстан стали местом разведения одомашненных лошадей. Там зафиксированы первые изменения скелета, говорит о попытке выведения их новых пород. Подгонка «товара» под спрос свидетельствует о начале торговых отношений по продаже молодняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.